

# НАГОЙ<sup>1</sup>

## 1

Весна-дворняга солнечным оскалом  
Зиме грозила: «Береги бока!»  
Пригожий лик под ледяным забралом  
Таить устала стольная река,

И лопнула морозная тесёмка.  
Шлем по теченью сбросив за спиной,  
Приподнялась Москва. С утра позёмка  
Котлы проталин сдобрила крупой,

Над варевом холодным покружилась  
И сникла у Варваринских ворот.  
Сдаваться к воеводе шёл на милость  
Стрелец помятый, выпятив живот

И вздёрнув к небу бородёнку злую,  
Нещадно сабля била по бедру:  
«Посеял берендейку, закукуют  
Обратно в Тверь... Рассола бы внутрь...»

Стряхнув с обувки ладной комы грязи,  
Торговый люд растёкся по рядам.  
Мостки скрипели: нёс корзины Власий,  
Тюки – Емеля, осетров – Богдан.

Материя разложена по штукам,  
Бери любую – не жадись, плати.  
Моченья и соленья, связки лука,  
Бочонки мёда, пирогов ломти...

82

Глаз маслится от снеди изобильной!  
Весна-дворняга, изойдя слюной,  
На жарких лапах кралась мимо мыльни  
С окошками из плёнки слюдяной.

## 2

Дверь – нараспашку, ноздри дразнит запах  
Замоченных в кадушке пряных трав.  
Случайный разговор о тайных знаках  
Подобен пару – сути не вобрав,

Легко клубится, проникает в сени,  
На улицу с берёзовым теплом.  
Ярыга лечит веничком колени  
И ведаёт собрату о былом:

<sup>1</sup> Василий Блаженный.

«Как помню, прошлогодного июля  
Окрест стояли добрые деньки.  
Паломники чрез мост перемахнули  
И подались к иконе напрямки.

Всяк нёс с собой хворобину, болячку,  
Моление за ближнего в нужде.  
С ворот спустили Божью Матерь в качке  
И вознесли в шалаш из трёх жердей.

Вокруг толпы природа благолепна:  
Щебечут птахи, ясен Божий свет...  
Как феникс, восстающий вновь из пепла,  
Нагой Василий вышел, тощ и сед.

В глазах его горел нездешний пламень.  
Взмахнул рукой – так бьёт одним из крыл  
Орёл врагов – с коротким свистом камень  
Икону чудотворную сразил!

Трепали кощуна Богдан и Власий,  
Емеля помогал – ударь да пни.  
Старик хрипел: «Помилуй, Христе Спасе...  
С ея ты краски слой отколупни!..»

## 3

Не люди, а мятущееся стадо.  
Ярились – кто ж им вставит удила:  
– Накого вусмерть измохрратить надо,  
Бить образа – бесовские дела!

Стрельцы ватагой мчались на подмогу.  
Один, с козлиной, вострой бородой,  
Икону подхватил и краски кроху  
Поддел ногтём, открыв начальный слой.

Взлетело вороньё со всей округи –  
Загнал их в небо заполошный крик:  
«Нечистая икона, братцы, други,  
Под матью с младенцем – адский лик!

Молились Сатане мы...» Трижды битый,  
Нагой был поднят сворой палачей:  
Чернее смоли впалые ланиты,  
Ручьями кровь текла с его плечей.

Меж верой и безверьем – мрак и пропасть.  
Не тайный знак, а истина жила  
В юродивом, невиданная кротость  
Из глаз его на грешных снизошла

И осветила лаской Божьей лица». –  
Ярыга смолк и ковш поднёс к устам.  
Окликнула стрельца отроковица:  
«Нашлась пропажа, сей же час отдам!»

На ледоход весна глядела с кручи –  
Тяжёлый без огромных белых плах.  
Потом с небес хвостом смахнула тучи,  
И вспыхнули кресты на куполах.

## С ПОБЕДОЙ ШЛИ ДОМОЙ БОГАТЫРИ

С победой шли домой богатыри,  
Воздав врагу сполна в кровавой сече.  
Как верный пёс, лизало солнце плечи,  
Чтоб раны чудотворно заросли,  
Зарубцевавшись в памяти навечно.  
И расстилалась степь рекою млечной,  
И тучи мимо киселём текли.

С победой шли домой богатыри.  
Седой Баян резные гладил гусли –  
Звенели струны, струги жались в устье,  
На пир горой купцы дары везли.  
Котлы дымилась, предлагая снеди.  
И, на плетень закинув руки-плети,  
Глядела мать на пыльный столб вдали.

С победой шли домой богатыри.  
К хлебам солонки ладили невесты,  
А на пригорке, что лежит одесно  
У стен детинца, дети-снегири,  
Разгладив кумачовые рубашки,  
Толпились тесно. Пенные баклажки  
Отцы из погребов на свет несли.

С победой шли домой богатыри.  
Бренчали брони, заглушая топот.  
«Ты жив ли, милый?» – уст горячий шёпот.  
Баян завёл протяжно: «Гой-еси...»  
...Раздался посвист ханский, соловьиный.  
Разбойная взлетела в небо сила  
И пала игом на хребет Руси...

С победой шли домой богатыри.  
В свои степные дымные улусы,  
Мир покорив, где храбрецы и трусы  
Влачили гнёт века под свист камчи.  
Но пел Баян – слепой и вдохновенный –  
Свободным словом прожигая вены,  
И Муромцы вставали в бой с печи!

## ГДЕ ЛЕСА...

Где леса уходят в дали шагом раненых зверей,  
Родники моей печали бьют в корнях останков-  
пней,

Проливают слёзы горя, затуманив кольца  
лет,

И – по гальке: «Воля, воля, – есть ли, нет ли,  
есть ли, нет?».

Где соломенные крыши блекнут быстро  
от дождей,

Чернозёма ноздри дышат паром потных  
лошадей,

Плуг, не меч, вписал в анналы правду болью  
в борозде:  
«Дань, пузатые чувалы, князю вновь везти  
орде».

Где вбирает лак иконы свеч горящих непокой,  
Князь Донской порвать оковы клялся, крест  
творя рукой,

Под которой сбились рати русских пахотных  
земель.

Меч, не плуг, грозился: «Татей ждёт кровавая  
купель!»

Где покрыты щёки поля первым пухом вешних  
трав,

Пели стрелы: «Воля! Воля!», заглушая гром  
булав,

Лязг клинков, треск ломких копий. Дмитрий-  
князь поднял полки,

И хоругвь погнала в топи, в реку, в дебри  
бунчуки.

Где леса уходят в дали шагом раненых зверей,  
Родники моей печали плещут память славных  
дней.

Как вопросы убиенных, струи бьют, ища  
ответ,

Гальку точат: «Княже, верно, ныне воля... или  
нет?».

